

Маргарита
Южина

Альфонс
ошибается
однажды

Маргарита Южина
Альфонс ошибается однажды
Серия «Ирония любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=573405
Альфонс ошибается однажды: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-46583-5

Аннотация

Все, буквально все, презирают альфонсов.

А подумали ли вы, как трудна их жизнь?

Эти профессиональные рыцари и умелые соблазнительники ежедневно рискуют своими молодыми жизнями, ходят, будто по минному полю, – того и гляди разоблачат.

А изображать сутки напролет влюбленного принца вы пробовали? Вот то-то!

Хлопотное это дело, а бывает, что и неблагоприятное.

Вот и наш герой играл самозабвенно, а в финале вместо заслуженного гонора – тухлые помидоры!

Да, не ценят дамы высокое искусство перевоплощения...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Маргарита Южина Альфонс ошибается однажды

Глава 1

Нет, у Ляны совершенно точно были враги! Она-то, конечно, наивно полагала, что их нет, что мир принимает ее с радостной улыбкой, но... Телефон доказывал обратное – он, негодяй, так вредно трезвонил, да еще в такую рань, что сомневаться не приходилось: враги есть! И это именно они решили лишить Ляну сна и покоя, так сказать, выбить из седла! И это в половине десятого утра! Какой коварный замысел!

– Да?! – недовольно хмыкнула в трубку Ляна Юрьевна Осташова, вполне самостоятельная барышня двадцати семи лет от роду. – Я вас слушаю!

– Спишь ты там, что ли? – недовольно пробубнила в трубку лучшая подружка Милка... пардон, Людмила Глебовна Зайцева. – Короче, на Бали поедешь? В Индонезию? Две недели чистого баунти! Пять звезд. Какой отдых! Мужики – сплошь голышом! И прикинь, все загорелые! Ну, если не вчера приехали. Лянка, это ж... Две путевки тебе оставила. Цена неправдоподобная! Прямой перелет!

– Не поеду... Меня мама не пустит, – надула губки Ляна.

– Да ладно тебе, «мама»! – фыркнула Милка. – Скажи, что Даня не может вырваться!

– Ну и Даня тоже... – уже яростно добавила Ляна, но, подумав, призналась: – Я вообще-то с ним еще не разговаривала. Он-то как раз прокатился бы, ему-то что мешает? Жену он давно уже ни о чем не спрашивает.

– Ой, я совершенно тебя не понимаю, – изумленно заверещала Милка. – И как ты только терпишь? Я б с ума сошла, если б у моего Пашки была какая-то там... законная жена, а я бы ему приходилась просто любовницей! Я бы...

– Ты просто конкуренцию не потянешь... – растянулась кошкой на кровати Ляна и строго добавила: – Это она ему ПРОСТО какая-то там жена, а я – ЛЮБОВНИЦА! Я – праздник и муки сердца. Я – букет нежных и колючих роз для души! Синяя птица счастья, так сказать, журавль в небе. Сколько раз повторять? Меня нельзя осквернять грязными носками, трусами и вонючими борщами. Меня можно только лелеять, нежить и баловать подарками.

– Вот! – тут же села на своего любимого конька Милка. – Пусть он тебя и побалует! Индия, Гоа! Там вообще все звезды тусуются! Ты своему Данечке так и скажи: «Даня! Вспомни, наконец, что я птица и мне пора в теплые страны! Заметь, мой любимый Данечка, что я скучаю по океану! Уже сто лет не купалась! Хочу...»

– У нас что, – прервала болтовню Милки Ляна, – совсем

с продажами хана, если ты меня так заманиваешь?

– Ой! Ну что ты говоришь такое?! – возмутилась верная подруга. – В Китай за шубами уже сейчас все путевки расхватали, в Таиланд новогодние туры бронируют, Греция ушла, а ты... я ж о тебе пекусь! Ты когда, кстати, переселяться будешь? Новоселье зажала, да? Это мы с Пашкой только зря деньги тебе на люстру выкинули, получается? Из Европы люстра-то... блин... и мне некуда повесить... Так чего ты выбрала-то?

Ляна на минутку задумалась, но тут же отогнала от себя сладкие мысли.

– Ничего. Говорю же – мама истерику закатит. Опять рухнет на подоконник и начнет доказывать кактусу, что она никому не нужна, что он один ее любит, понимает, а потом кинется целовать попугая Диогена, и тот от возмущения повыщипывает себе все перья.

– Ой, хватит тебе на Наталью Максимовну наговаривать! – перебила Милка. – Тебя послушать, так твоя мать – слезливая тетка! К тому же выжившая из ума! Она же как-то со своей клиникой управляется, и ничего! Да еще и как управляется!

Лянка только тяжело вздохнула. Ну да, ее маменьку не назовешь мякишем для беззубых. Но ведь возраст! Хотя... здесь и не возраст, наверное...

Раньше все было совсем не так. Главой семьи был, конечно же, отец. Сначала он занимал серьезный пост, семья

жила в достатке, а Ляночка исполняла роль сыра, исправно катающегося в масле. Одевалась она лучше многих, училась в самой престижной школе и отказа ни в чем не знала. Потом времена изменились, и отец занялся бизнесом. Бизнес оказался очень доходным, появилась возможность открыть для любимой жены Наточки стоматологическую клинику «Жемчуг» – Наталья Максимовна была замечательным зубным врачом. И даже дочурке Ляночке отец подготовил стартовую площадку – турагентство «Ляна». Все же девочка должна была после института где-то работать. Благосостояние семьи вселяло надежду на бриллиантовое будущее, но... Все рухнуло в один момент. Авария на дороге. Отец погиб. Виновных так и не нашли. Откуда-то, как поганки после дождя, повыскакивали кредиторы, которым папа, оказывается, был должен невероятные суммы, и неизвестно, как бы сложилась жизнь двух женщин дальше, если бы Наталья Максимовна не нашла замечательного адвоката, который сумел все разрулить. Нет, они потеряли очень много, почти все, но «Жемчуг» и «Ляну» удалось сохранить. Мама как-то вдруг превратилась из милой, нежной Наточки в стальную Наталью Максимовну и сумела не затеряться среди матерых конкурентов. Ляна тоже довольно неплохо научилась разбираться в тонкостях туристического бизнеса, и жизнь начала налаживаться. Чуть позже Ляна вдруг ощутила, что ее призвание – фотография. Тут же в турагентство на место директора была посажена лучшая подруга – надежная, честная Милка,

а Лянка теперь наслаждалась свободным творчеством. У мамы же получилось немного иначе. Наталья Максимовна всегда душой болела за свое детище, клинику, а посему готова была на все, лишь бы урвать себе специалиста с большой буквы. И доигралась – урвала! Яна Олеговна, совсем еще девочка, была просто акула во всем, что касалось стоматологии. И коммерции, кстати, тоже. Просто удивительно – откуда у такой молоденькой девчонки такая бульдожья хватка? Наталья Максимовна просто порхала от счастья, что ей удалось отыскать себе такого зама. Яночка все крепче становилась на ноги и... очень скоро как-то так вышло, что Наталья Максимовна поняла – она вовсе уже и не самый незаменимый человек в собственной клинике! Все вопросы с успехом решает Яна Олеговна, и куда лучше самого директора. Появилось свободное, ничем не занятое время, и тут оказалось, что... что прелестная Наточка из тридцатипятилетней красавицы превратилась в сорокапятилетнюю даму, что жизнь проходит, что... что, кроме Диогена да парочки цветочков, она и не нужна никому. Даже собственной дочке, которая так и норовит куда-то улизнуть каждый раз. Еще и квартиру себе отдельную купила! Будто бы им вдвоем места не хватало! Наверное, мужчину завела, бессовестная...

– Лянка, спишь, что ли? Я говорю: на Гоа путевку оставлять? На октябрь? У нас Корнеев в прошлый раз ездил, вернулся – как индус, живого места не осталось, весь загорел! В этом году Леночка поедет, Васяткин... Даже Мария Тарасов-

на собралась! – выдернула Ляну из размышлений подружка. – Твой-то Данечка, конечно, в Южное Гоа попросится – там поспокойнее, для сорокалетнего самый шик, а я тебе в Калангут путевочку подгоню, там молодежные тусовки. Нет, прикинь – океан! Водопады! Через реки на джипах! Обезьяны кругом!

– Да зачем мне обезьяны?! Мне тебя за глаза хватает! – пыталась остановить подругу Ляна, но та просто не могла остановиться, ее несло.

– Макаки! Макаки! Кругом одни макаки! – радостно завопил Диоген, расхаживая возле своей клетки – мама опять забыла ее закрыть.

Лянка вдруг рванулась к фотоаппарату – попугай был удивительно освещен! И как славно он голову задрал... Возможно будет фото назвать... назвать... ага! «У куриц нет полета мысли!» или...

Подруга все еще трещала в трубку:

– Да ты же сама по телику видела! Там даже многие звезды жить остаются! Вот так все бросают – бизнес, работу – и остаются там жить!

– Не дождешься! – рявкнула Лянка. – Чего звонила-то?

– Так... про путевку узнать... – сникла Милка. – И еще про новоселье. Чего, справлять совсем уже не будешь? Или так – вчетвером, потихоньку?

– Не знаю... попробую маму отправить в какой-нибудь тур, если получится, тогда уж закатим!

– Твоей маме не путевку нужно, а мужика хорошего, и все нормально станет, – вздохнула Милка.

– Вот ты ей об этом и скажи, – съехидничала Лянка.

– Ладно... что-нибудь постараюсь подобрать.

После звонка можно было еще немного поспать. Лянке даже попытался присниться сон – они с Данькой на берегу огромного океана, бегут по воде... Ляна бежит быстро, потому что у нее на спине крылья Диогена, а Даня... ему трудно бежать, потому что он в костюме-тройке и с галстуком-бабочкой... то есть в свадебном костюме! И вот уже... Дальше история прервалась, потому что в двери заворочался ключ – мама пришла на обед покормить дочурку. По большому счету Наталье Максимовне при эдакой Яночке и вовсе можно было на работе не появляться, но она упрямо продолжала принимать больных и регулярно навещать свой кабинет. Правда, каждый раз приходила с работы окончательно разбитая.

– Ляночка, детка! Сегодня опять мне звонил Досадов! А эта Яна Олеговна – ты не представляешь, – она пытается меня убедить, что объединение пойдет нам на пользу! – возмущалась мама, приложив пальцы к вискам. – Они меня со света сживут... Они же сговорились! Точно, сговорились! Диогеша, иди ко мне, мой птенчик... открой ротик, мама посмотрит... ах, у тебя ж там нет зубов, все время забываю...

Лянка еще пыталась поваляться, но мама была явно занята своими мыслями, поэтому на обед рассчитывать не при-

ходило. А есть хотелось. Именно сейчас Лянка уже не сидела ни на каких диетах, поэтому она поднялась и поплелась на кухню, Диоген важно пошагал за ней – летать в присутствии обеих хозяек он считал дурным тоном.

– Мам, – включая чайник, постаралась развеселиться Лянка, – у нас такая замечательная путевка горит! Обалдеть! Съездишь?

– А куда? – насторожилась Наталья Максимовна.

– А куда ты хочешь? – лукаво посмотрела на мать дочь.

– А что – они все у вас там горят, что ли? Ты тоже хочешь от меня избавиться, да? – Маменькины губы дрожали, она еле сдерживала рыдания. – Ты хочешь съехать на эту свою квартиру? Для этого вовсе не надо отправлять меня к черту на кулички! Можно запросто сказать: «А подите, маменька, на фиг со своей любовью!» И я пойду!!! А что мне остается делать?!

И кухня огласилась звучными, раскатистыми рыданиями.

– Иди ко мне, Диогеша... – никак не могла успокоиться мать. – Мы с тобой теперь... будем любить друг друга верно и преданно и умрем в один день.

Она поймала попугая и теперь нежно прижимала его к своей груди. Диоген таких ласк терпеть не мог, к тому же в его планы кончина, пусть даже в один день с хозяйкой, пока не входила, поэтому он начал возмущенно трепетать крыльями и орать на весь дом:

– Бабы!!! Сдурели! Бабы!!!

Он уже вырвался, взлетел на люстру и оттуда продолжал кричать все так же неистово, будто бы его ошипывали всей семьей:

– Ба-а-абы!!! Сдурели!

Диоген был уже весьма взрослым мужчиной, его знали все знакомые Осташовых, и не просто знали, а искренне любили и с удовольствием пополняли его словарный запас, благо попугай схватывал все на лету и всякий раз радовал гостей своими познаниями.

– Ляна, детка, он у нас отвратительно воспитан... – вздохнула Наталья Максимовна, доставая орешки. – Диоген! Ты был для меня идеалом мужчины! А теперь я съем все орехи сама! И куплю канарейку... пожалуй, да.

Лянка только качнула головой – Милка была права, маме срочно требуется сердечный друг мужского пола. И лучше бы не попугай, а самый банальный человек.

И маменьку, и попугая пришлось успокаивать обедом. Ляна быстро накрыла стол, и Наталья Максимовна горестно уселась рядом с дочерью. С люстры спустился Диоген, и мир понемногу начал восстанавливаться. Мама даже потянулась за кусочком белого хлеба, который позволяла себе только в самом спокойном расположении духа, но... звонкая трель телефона заставила ее подпрыгнуть.

– Стоит мне выйти за дверь, как тебя буквально рвут на части! – с обидой проговорила мать.

– Го-о-о-лубь твой... – подсыпал соли на рану какой-то

уж слишком мудрый попугай. – Го-о-олубь.

– Ну почему голубь-то? – возмутилась Ляна, хватая трубку.

Звонил действительно голубь... тьфу ты! Данил звонил!

– Ляночка, как ты там, солнышко мое? Уже встала? Еще не успела соскучиться?

Ляночка успела. Она с удовольствием уже убежала бы к себе, в свою такую пустую, необжитую квартирку, валялась бы на диване, ела бы абрикосы, а Данька заплетал бы ей волосы и писал бы на ее спине их имена... она бы, конечно, никак не могла догадаться, что он там царапает, он бы весело хохотал, целовал ей спину и ставил бы новый диск, который купил специально для нее. Но... разве об этом сейчас скажешь!

– Я уже встала... – нейтральным голосом проговорила она.

– Ой, надо же, какие подробности! – недовольно фыркнула мать. – Сообщи ему еще, что ты уже посетила туалет и у тебя нормальный стул!

– Мама!!! – чуть не разревелась Лянка, звучно вздохнула и удалилась в комнату.

Матушка, вроде бы невзначай, поплелась за ней следом. Диоген тоже перебрался поближе к хозяевам.

– У меня сегодня сплошное болото – работы нет совсем, – говорил Данил. – Я вырвусь часика на два пораньше, поедем на озеро – погода замечательная! Искупаемся, а? Или на да-

чу, денька на два, а?

– Это здорово! – вздохнула Ляна. – Я тебе потом перезвоню обязательно, а то у меня сейчас... народ тут, я немножко занята.

– Понял, – легко согласился Даня. – Буду ждать, кроха моя.

С ним разговор закончился, но с маменькой все началось по новой.

– Это почему это мы «народ»?! Ты б еще электоратом нас назвала! – возмущенно уперла руки в бока маменька. – Диоген! Ты слышал?! Мы уже не самые близкие люди, а только народ! Скоро нас расой величать станут! Меня скоро человекообразным звать начнут!

– Макаки! Кругом одни макаки! – тут же согласился Диоген.

– Мама, ну чего ты ругаешься, ведь так хорошо утро началось... – захныкала Ляна. – Какая раса?

– Европейская, мне думается! На монголоидную я не потяну!

– Макаки! – гнул свое обиженный попугай.

– А ты, Диоген, и вовсе скоро будешь называться только пернатым! – горько сообщила ему Наталья Максимовна. – Отряд куриных! Или вороньих... хрен редьки не слаще. Мы же здесь только народ!

– Макаки! – не унималась птица. – Кругом одни макаки!

– Да фиг с ним, пусть макаки, – согласилась наконец ма-

менька. – Не ожидала я от тебя, Ляна! Я думала... мы будем... любить друг друга... верно и преданно...

– И умрем в один день, – грустно подытожила Ляна. – Мам, я на работу. У Милки там что-то творится с путевками. Люди никак не желают покупать китайские шубы. И... и совсем не хотят отдыхать в Таиланде.

Лянка старательно делала скучное лицо, изображая обанкротившуюся бизнес-леди, а сама быстро натягивала шорты и открытую маечку – так хотелось поскорее прибежать к себе и... хоть немного порадоваться жизни.

Однако с маменькой все же надо было что-то делать. Хотелось личной жизни, хотелось удовольствий, но наслаждаться жизнью, когда твой близкий человек так и норовит каждую минуту оросить себя слезами, оказалось трудно, если не кошунственно. Так больше продолжаться не могло.

Конечно, помочь могла только верная Милка.

– Ну как вы тут? – вихрем ворвалась в светлый офис Ляна. – Как работа?

– Лянка! – обрадованно вскочила Милка и тут же деловито брякнула в трубочку: – Леночка, два кофе нам по... почему не Леночка? А Леночка где?! Уволю!!! Быстро принесите мне два кофе! Да! Кофе! В двойном экземпляре! Нет, мне не надо на ксероксе их размножать! Мне надо обычного! Из кофейника!.. Ой, Лян, у нас тут все такие шутники, прям не знаешь куда деваться! Леночка, дрянь такая, опять куда-то слиняла, наверное, акция в соседнем магазине! При-

кинь, специально открыли здесь отдел, чтобы от нас сразу к ним народ тянулся, и каждый раз на всякие там купальники и трусы скидки устраивают! У меня работать некому!

Дверь открылась, и с подносом в руках в дверях появился загорелый высокий парень с чертовщинкой в глазах и с совершенно серьезным лицом.

– Ну Корнеев... – захныкала Милка, – ну почему один-то кофе? Я ж два просила...

На подносе и впрямь исходила паром только одна чашечка. Но тут же дверь снова распахнулась, и появился уже другой парень, тоже загорелый и тоже с хитрецей в глазах.

– О! Еще один! Васяткин! И ты один кофе притащил? – удивилась Милка. – А нельзя было две чашки на один поднос поставить? Вот только б не работать!

Парни удалились, а Мила придвинулась поближе к подруге:

– И чего? Ты все-таки решила на Гоа?

Дверь опять раскрылась, и снова с подносом в руках явился Корнеев.

– А это что? – растерянно захлопала глазами Лянка.

– Кофе, – бесстрастно объяснил Корнеев. – Людмила Глебовна изволила два кофе...

– Ну да, – кивнула Людмила Глебовна. – Так вы и притащили два.

– ...В двойном экземпляре, – закончил речь невозмутимый Корнеев.

Подруги только возмущенно раздували ноздри, а следом за другом уже тащился с подносом господин Васяткин.

– Ну и как их отправлять за границу? – повернулась к подруге Мила. – Это ж не работники, это ж... Позорище!!!

Неожиданно Ляна насторожилась.

– Корнеев! Арсений, рот открой. Ну улыбнись широко! – вдруг попросила она. – Степа, Васяткин, открой рот, а?

Васяткин широко разинул пасть, а вот Корнеев отказался.

– Пардон... Ляна Юрьевна, я немножко не выставочный кобель, клыки показывать не приучен, – с достоинством проговорил он и демонстративно закрыл рот.

– Жалко... – вздохнула Лянка. – У Васяткина рот в полном порядке, а Корнеев не... не кобель.

– А кто ж он? А чего ты хотела-то? – не сообразила подруга.

– Да я хотела их к маме отправить. Чтобы они только к ней записались, дескать, она лучший доктор. Она же и в самом деле – лучший. Я бы и заплатила сама. Пусть бы у нее самооценка повысилась, а то... ну совсем сил нет.

– У меня!!! У меня отвратительные зубы! – вдруг выскочила из соседнего кабинета пухленькая Леночка. – Мне всю челюсть давно уже менять пора, а у меня то денег нет, то времени. Да и врача хорошего...

И девушка принялась отчаянно доказывать, что у нее с зубами полная беда. Она растягивала губы, оголяла десны, тыкала пальцами в зубные дырки и крутилась возле Лянки

юлой. Та испуганно отстранилась и даже чуть было не спряталась за широченную спину Васяткина – вот уж такой мощи от пухлой Леночки она не ожидала.

– Леночка! Я тебя звала, тебя где носило-то? – догадалась спросить Мила.

– Погодите, Людмила Глебовна... – отмахнулась от нее Леночка и снова принялась вертеться перед Лянкой. – Вот, глядите... это ж... нет, не сюда, здесь пломба торчит... но она уже тоже старая, если вы заплатите, так и ее можно поменять, ну чтобы в цвет...

– Лена! Закрой же рот, – поморщилась Ляна, наконец придя в себя. – Я запишу тебя к маме... Вернее, сама запишись, я скажу, где и как. Только исключительно требуй Наталью Максимовну Осташову. Если к другому доктору запишешься, сама оплачивать будешь.

– Я к ней, – замотала головой Леночка и восхищенно заблестела глазами. – Ну ни фиги себе акция!

– А у нас, простите, на фотоаппараты скидок не намечается? – вежливо спросил Корнеев. – Мне б надо. Профессиональный.

– А мне б к машине чехлы новые, а? – присоединился Васяткин. – Ну или хотя бы зимнюю резину поменять...

– Все!!! Все свободны! – рывкнула на шутников Ляна. – Леночка, а к вам я потом подойду.

– Не слишком ли ты ее балуешь? – кивнула на дверь Мила, когда все ушли.

– Это я не ее, я матери помочь хочу... – вздохнула Лянка. – Прямо совсем жизни нет. Я уж и Даньку к ней посылала, и соседей своих, и даже девчонок-однокурсниц... а мама все равно никак не может успокоиться.

– И все же зря ты Ленку... мужика бы надо... – расстроено качнула головой Милка. – Ну ладно, чего-нибудь сообразим... Знаешь, я придумала! Как только у нас какой-нибудь приличный мужик купит путевку, я сразу же и Наталье Максимовне оставлю! Пусть с порядочными людьми пообщается. А то кого она там видит у себя в клинике – сплошь только пасти открытые, разве через рот-то... душу увидишь?

– Точно! – загорелись глаза у Лянки. – И как я раньше не допетрила? Значит, теперь путевки сама оформляй. Если что, и я помогу.

На том и порешили. И сразу как-то легче стало. А вечером и вовсе хорошо. Но уж вечером постарался Данил.

Лянка ждала его у себя дома. Как и хотела – удобно устроилась на диване, нарядилась в новый кружевной пеньюар, тщательно разбросала по плечам белокурые локоны и поставила перед собой целый таз фруктов. Но... милый придумал в этот раз другую сказку.

Он пришел торопливый, взъерошенный, быстро схватил Лянку на руки и закружил по комнате:

– Ага! Птица моя! Попалась!!! А почему еще не одета? Что это за фривольный халатик?

– Ну Даня! – болтала ногами у него на руках тоненькая

Ляна. – Отпусти меня! Ой! Ты мне все ребра выгнул! И чего тебе мой халатик не нравится, раньше ты от него в восторг приходил!

– Поэтому сегодня он мне и не нравится! – набычился Данил. – Не хватало еще, чтобы от него в восторг еще кто-то пришел! Не позволю! Мое! Одевайся, сегодня у нас круиз... Вот чего ты хочешь? Куда?

Лянка насторожилась:

– Чего? Опять Гоа?

– Какое Гоа?! – возмутился Даня. – Я тебя повезу... как же это, еще песня такая есть...

– Возьми меня, олень, в свою страну оленью? – подсказала Лянка.

Но милого такая песня не обрадовала.

– М-да? Я уже и олень? – дернул он бровью. – Порадовала.

– Да нет же, Даня, я просто песню вспоминала, – хихикнула Лянка и чмокнула любимого в гладко выбритую щеку. – Ты у меня... орел! Вот!

– Орел еще куда ни шло... – согласился Даня. – А то вот твой этот умник... в перьях, он меня почему-то все норовит голубем назвать. Гад! Перья выдерну и... куплю канарейку! Ну мы едем?

Лянка с готовностью кивнула.

– А что надевать? Я в шортах и майке – пойдет? – доложила она.

Данил сбился с ровного дыхания и просипел:

– Пой... пойдет... А шорты это... вроде таких трусиков, да? С ума сойти...

Он приехал за ней на мотоцикле. Яркая, обтекаемая машина выглядела хищно и ужасно привлекательно. Лянка быстро взгромоздилась на сиденье и напялила шлем. Данил склонил голову и наблюдал, как она мучается с застежкой.

– Нечего всем пялиться на такую красоту, – наконец решил он и защелкнул застежку у нее под подбородком. – Я бы еще и ноги твои закрыл... хоть мешком каким-нибудь, что ли!

Они неслись по трассе, и у Лянки от восторга захватывало дух. В первые минуты было еще немного страшно, но потом чувство восторга вытеснило все другие ощущения. А впереди сидел Даня! Она видела в зеркальце его лицо в черном шлеме, ее сводила с ума его мужественная фигура, его такие крепкие руки... И она еще сильнее прижималась к нему всем телом. И от чувств просто плавилась... таяла... и становилась невесомой... Она летела! Все правильно – они с ним оба птицы и летят... да какая разница куда!

А мимо пролетали улицы, машины, дома... Потом пошли березки, сосны... и вот оно – озеро!

Большое, чистое, так и манит к себе после дневного пекла. И никого вокруг! Это ж надо – такое место славное нашел!.. Хотя нет, вон там горит костерок...

Возле этого костерка Данил и заглушил свой мотоцикл.

– Ого! А мы уж заждались!!! – подпрыгнула к подруге вез-

десущая Милка. – Ждем-ждем! Данил еще когда сказал, что за тобой поехал, а сам...

– Мил, ну чего ты как маленькая, вдруг они чем-то там занимались... – пристыдил подругу Пашка. И тут же переключился на приехавших: – Дань, я мясо подготовил, углей полно – вон сколько берез мы с Милкой сожгли, сейчас хоть всю ночь шашлыки жарь – не остынут.

– Ну уж прямо и берез! – фыркнула Милка. – Можно подумать, нам тоже вдвоем заняться было нечем, кроме как вам тут березы жечь! Лян, давай салатик накромсаем, а мужики мясом займутся.

– Ну уж нет! Я только в воду! – фыркнула Лянка и властно приказала: – Мужики! Всем зажмурить глаза! Я буду купаться... немножко не в купальнике! Так что... Пашка-умница, вон как голову вывернул, а ты, Данька, чего?

– Так Пашке что остается? – отбрехивался Даня. – Он если сам не отвернется, ему Милочка всю башку напрочь открутит, а я... я не могу от красы неземной оторваться. Так что... пусть мне башку отвинтят, буду смотреть, и хоть ты меня режь!

– Хорошо... – насупилась Ляна. – Но только смотреть! Ни шага в мою сторону, ясно?! Милочка, проследи!

Милочка, конечно же, проследила, но удержать здорового Данила было не в ее силах. Едва светлая голова Лянки отделилась от берега, как тут же раздался Милкин истошный визг:

– Лянка-а-а!!! Он вырывается! Я его... Блин, да я ж его не удер... Пашка! Не лезь! Не поворачивайся!...Лян! Ты в каком белье?! От «Орхидеи»? Тогда, может, фиг с ним – пусть лезет в воду? Я боялась, вдруг он тебя в отечественном лифчике увидит... Лянка, он уже полез!!! Пашка! Отвернись, гад такой, Лянка же не в купальнике! А на ее «Орхидею» тебе не фиг пялиться!

Лянка даже не оборачивалась – она свободно плыла к середине озера, а за ней широкими гребками неся Данил.

Милка только весело фыркнула:

– Надо же – охраняй ее... А самой по фиг...

И она в который раз залюбовалась подругой. И как это у маленькой, тоненькой Ляночки получалось так быстро охмурять серьезных, красивых мужиков? Вот она, Милка, за своим Пашкой пять лет ходила, пока он не догадался на нее внимание обратить. Хотя... это и понятно – Милка ни фигурой не отличалась, ни прочей внешностью... не то что Ляночка. С виду такая беззащитная, хрупкая, нежная капризка. Вроде бы и ничего сама не может, не умеет. Глазки растопырит, ресничками два раза хлопнет, включит «ляльку», как она это называет, и все – ради нее уже готовы горы свернуть. Мужики просто как дети! Эх, не видели они, какой Лянка может быть жесткой, железной прямо. Милка даже сама ее иногда боится. Особенно когда в делах на работе напортачит. Приходит такая вот Ляночка-беляночка, волосы свои золотистые в пучок сзади свернет, на нос еще очки напялит, и... летят по

родному агентству пух и перья! Разносит так, что в соседнем магазине люди приседают. Или еще губки свои подожмет, глазки сощурит... ну, блин, держись – точная примета, что Лянка какую-то подлянку выдумала. А эти мужики думают – девочка-ромашка! Эх, Милке б так научиться!

В конце концов Милке надоело разглядывать подругу, и она с веселыми брызгами плюхнулась в воду. За ней тяжелым моржом медленно погрузился и Пашка. И началось веселье – брызги, хохот, музыка из маленького приемничка на берегу, и никого уже не волновало, от какого производителя белье у Лянки и так ли хорошо облегает фигуру модный, навороченный купальник Милки. Не голые же ведь!

Милка орала громче других – ее замечательный Пашка то и дело дергал любимую за ногу в воде, а то и вовсе – хватал на руки и забрасывал на глубину, Милка верещала, но подругому Павел не умел оказывать знаки внимания. Зато Данил просто лучился нежностью! Ляна держалась за его шею, и он осторожно катал ее, боясь лишний раз плеснуть водой, чтобы не напугать свою девочку. Или же нарезал вокруг нее круги, точно дельфин, когда она резвилась на мелководье.

– Лян, ты в порядке? – фыркая в кулачок, спросила Милка. – Данил к тебе относится, как к беременной! Может, и впрямь какая оказия?

– Ой, ну чего мелешь? Это называется опыт, милая моя! – важно отвечала Лянка. – Это тебе не щенячьи прыжки и подскоки! Я же говорю – я с ним королева.

– А... ну да... – шмыгала носом Милка и беспечно трясла мокрой головой. – А мы так... не по-царски!... Пашка! Ну где ты там?! Утонул, что ли? Кто меня за ноги хватать будет?!... У меня сегодня ночью будет Пашка-водолаз! На недельку! До второго! Я уеду! Тра-ля-ля-ля! Я за то...

А потом были обжигающие шашлыки и костер... И Данька кутал в огромное пушистое полотенце мокрую Лянку. И прижимал к себе. И она знала, что сейчас – вот сейчас! – он вовсе не с Пашкой говорит, и не Милке отвечает, а... ждет, когда же они вернутся к себе в пустую, такую необжитую Лянкину квартирку и...

– Ляна! – шепнул ей на ухо Даня. – Поехали к тебе. У меня уже сил нет эту свинью жевать!

– Ой-ой-ой! – тут же откликнулась Милка. – И чегой-то мы там секретничаем, а и чегой-то мы там в ухи друг другу шепчем?! Никак домой запросились, а?

– Да ну! – не соображал Пашка-тугодум. – Дома ж сейчас такое пекло. А здесь – красотища! Вода тебе везде! Шашлыки... блин, стопочку вот нельзя, за рулем...

– Да что ты, Паша, ну какой дом?! – в ужасе округляла глаза Лянка. – Конечно же, когда кругом вода – это куда как лучше!

И чувствовала, как ей в отместку кусал ее за ухо Данил. Они поехали домой, когда уже было совсем темно. Милка с Пашкой – на своей машине, а Даня с Лянкой – на мотоцикле.

– Сейчас по ночному городу прокатимся – здорово-о-о! – улыбнулся Данил и сам усадил свою красавицу на сиденье. – Держись крепче.

Конечно, Пашка с Милочкой сразу же остались позади, а впереди сиял огнями ночной город. И звал, и манил, и они к нему летели на невероятной скорости. И теперь Лянка себя не сдерживала, а визжала во все горло от радости, но скорость съедала звуки. И только в зеркальце она видела, как смеется от счастья ее Данил.

Чудесный вечер сменила совершенно волшебная ночь, а вот утро... ничего волшебного не предвещало.

Понятное дело, что проснулась Ляна не с первыми петухами, и даже не со вторыми. Она продрала глаза, глянула на часы и ахнула! Пробкой вылетев из кровати, она в тысячный раз поблагодарила судьбу за то, что ее угораздило влюбиться в женатого мужчину. Это ж так славно, что ему непременно хоть на час в сутки надо показаться дома! Это ж так прекрасно, что он с рассветом тихонько удаляется, оставив после себя только смятую подушку! Сейчас бы столько времени на него ушло. А времени и без того... Просто страшно подумать, что там делает сейчас ее мама! Ведь ее маленькая доченька вчера не то что домой не заявила, но даже позвонить не удосужилась, бессовестная! И почему это, интересно, Лянкин сотовый до сих пор молчит? Не верится, чтобы маменька вот так запросто выпустила свое чадо из-под строгого надзора...

Лянка схватила телефон. Тот был попросту отключен.

«Данька отключил... – сообразила Ляна. – Ну никак не хочет меня с мамой делить, прямо как маленький!»

Однако злиться на него не было ни сил, ни времени. Надо было срочно нестись домой к маме, да по дороге забежать в аптеку – купить ведра два валерьянки, а то... да, а Диогену каких-нибудь витаминов, для восстановления перьев...

Лянка примчалась домой, когда часы бесстрастно показывали половину первого.

– Мамочка! Ты себе не представляешь! – еще с порога с фальшивой радостью в голосе заверещала она. – А мы вчера у Милки засиделись! Прямо допоздна! А потом у них... у них там... представляешь, свет отключили и никак невозможно было дозво...

Мать сидела на кухне при полном параде и спокойно уплетала жареные кабачки. Рядом по столу расхаживал Диоген и крошил корку батона на мелкие кусочки.

– Мам... – осторожно позвала Ляна. Поверить в то, что мать не лишилась рассудка за эту ночь, она не могла. – Мама, у нас все нормально?

– Боже мой, Ляна! – преспокойно повела бровью Наталья Максимовна. – Тебе совсем не идет загорелое лицо, сколько тебе можно повторять – в солярии закрывай лицо салфеткой!

– Мама, я не в солярии загорала... – приготовилась к самому страшному Лянка. – Мамочка! Ты не волнуйся! Я бы-

ла...

– Да! И еще – если ты решила все же переехать, будь любезна, поставь мать в известность, – строго проговорила матушка. – Я вчера не могла уснуть, пока мне не позвонила твоя Ми-Ми и не сказала, что ты сегодня с каким-то... Давидом!... или... да, с Даниилом! Что вы отправились к тебе на квартиру и я тебя не дождусь. Я могла волноваться.

Лянка крикнула и в растерянности уселась рядом с матерью – что говорить дальше, она просто не знала. Тем более она совершенно не могла представить, что именно напле-ла разлюбезная Ми-Ми, то есть Милка. Почему-то маменька звала подругу только так. Милка злилась, говорила, что у нее самое обычное имя, а не как у гусыни, но ничего не менялось.

– И еще – я бы попросила тебя купить мне журнал мод, я совсем не знаю, что сейчас носят, – добавила Наталья Максимовна, внимательно рассмотрела кусочек кабачка и отправила его в рот.

– Мам, а тебе зачем? – сдуру ляпнула Лянка, но тут же прикусила язык. – Мамочка! Я хотела сказать – зачем тебе, если ты у меня и так прекрасно одеваешься? Ты всегда на пике моды! Ты у меня всегда имела такой вкус, что... Мам, а чего ты не ругаешься?

Наталья Максимовна непонимающе уставилась на свое дитя:

– А что – надо?

– Не надо, что ты! – замахала руками Лянка. – Но ты же... ты же даже на вечеринки меня с девчонками не отпускаешь, а тут... Что-нибудь случилось?

Наталья Максимовна горестно сложила брови домиком, подтянула к себе упирающегося Диогена, чмокнула его куда-то в область хвоста и печально заговорила:

– Отпускаю не отпускаю... что это изменит? Я все равно не смогу заменить тебе полноценную семью... – И она с чувством прижала к себе птицу. Попугай трепыхался, клевался и возмущенно орал, но печальной хозяйке было не до его недовольства. Она все так же смотрела куда-то в угол гардины и задумчиво рассуждала: – Я подумала... ты у меня уже подросла... тебе уже скоро... Ляна, я все время забываю – тебе двадцать пять или двадцать восемь?

– Мамочка, мне двадцать семь, – нежно тронула мать за руку Лянка.

– С ума сойти! Куда тебя несет-то?! – ворчливо буркнула Наталья Максимовна и снова вернулась в образ. – Вот тебе уже и двадцать пять... минуло. А ты все время сидишь возле моей юбки и не выходишь никуда... – Здесь маменька опять забыла про печальную маску и выразила неудовольствие: – Лянка, я не понимаю! И чего ты замуж-то не идешь? У меня, между прочим, в восемнадцать лет уже была ты! Ты ж останешься в старых девах!

– Ма-а-ам, я не останусь... в девах, – прижалась к ее руке щекой Лянка.

– Ну как же не останешься? – опять возмутилась маменька. – Вон ты как... прилипла ко мне! Ясно же – скучаешь по человеческому теплу, причем мужскому! – Здесь опять наступило время драмы. – Ах, это беспощадное время! Оно сожрало у меня молодость... и у тебя скоро сожрет. А ты так никуда и не выходишь. Нет, ты все делала правильно! Ты купила себе квартиру, но... у тебя даже не хватает решимости начать самостоятельную жизнь! А ведь ты уже большая! Я... знаешь, деточка, я вдруг подумала – сначала ты просто будешь грустной и больной, потом ты начнешь на меня злиться за то, что я не дала тебе создать семью! И ты возненавидишь меня! Нет! Мое родительское сердце этого не вынесет! И потом... что бы сказал Юрий?! Он бы не одобрил мое воспитание... и поэтому... ты должна переехать к себе. Ты должна вить себе нору, то есть гнездо... заводить потомство... я готова! Да, я никому уже не нужна, но... что же делать? Я постараюсь смириться со своим одиночеством, с тем, что жизнь уже прошла... Нашью себе модных платьев и буду предаваться грусти! Дома! Одна... Нет, с Диогеном... Диоген! Да прекрати же ты трепыхаться! Я расписываю Лянке наше безрадостное существование! Можешь ты хоть на минутку повесить на клюв унылое выражение?

Диоген наконец вырвался, взлетел на люстру и уже оттуда принялся костерить обеих хозяек:

– Бабы! Макаки!!! Кошмар!!! Кошмар!!! Макаки!!!

– И вот это я буду слушать в гордом одиночестве! – горь-

ко всхлипнула Наталья Максимовна, потом махнула рукой и принялась доедать кабачки.

Лянка смотрела на ее ухоженные волосы, на аккуратный макияж, и ком подступал к горлу. Да, мамочка все еще пытается удержать время, но... разве это кому-нибудь удалось? Для кого она будет жарить эти свои... мерзкие кабачки? Для кого она станет краситься? О ком будет думать, сидя в парикмахерской? Как бы она ни утешала мать, а время-то ее и в самом деле ушло. Сорок пять лет! Что бы там ни говорили, что жизнь после сорока только начинается, Лянка-то понимала – начинается, да! Новая жизнь пожилой дамы. Без любви. Без восхищения. Без страсти. Жизнь, когда тебя ждет только... Диоген!..

– Мамочка! – с пылом бросилась дочь на грудь матери. – А давай... давай я вообще не буду переезжать! Я не буду вить себе нору, и потомство – ну зачем оно мне, когда у нас есть Диоген?! Нам будет хорошо всем втроем, а?

– Да ты что?! – испуганно замахала руками Наталья Максимовна. – Как это не переезжать? Я ж тебе говорю – я уже смирилась! Я буду сидеть и грустить одна, и ничего страшного! Я ж к тебе буду в гости приходить! И ты к нам! Между прочим, я видела в мебельном замечательную прихожку! Как раз тебе подойдет. Такая легкая, зеркало на полстены! И к ней идет освещение – такие бра под старину, они еще в зеркале отражаются. Изумительно! Стоит, правда, недешево, но если у тебя не хватит, я добавлю!

– Мамочка, у меня есть деньги, – снова прижалась к ней Лянка.

– Даже не отказывайся! Я теперь живу только твоими интересами, и мне доставляет это маленькую, тихую радость... – снова закручинилась Наталья Максимовна. – Ты ж понимаешь, у меня нет своей личной жизни... не было, не было и опять не стало... Да и откуда ей взяться?

– Мамочка! Ну почему ты так говоришь?! – принялась успокаивать мать Ляна. – Ну ведь ты знаешь, сколько женщин в твоём возрасте ещё находят свое счастье! И даже старше тебя! Выходят замуж! Встречают мужчину своей жизни! И становятся счастливыми! И у тебя все впереди!

– Ляночка! – вытаращилась на дочь Наталья Максимовна. – Ты подумай, о чем ты говоришь?! Кого я могу встретить сейчас?! Когда мне уже... я и сама не помню, сколько лет! Дряхлого старика? Унылого неудачника? Одинокого пенсионера?

– Ну нет же! Ещё столько прекрасных мужчин твоего возраста у нас в городе есть!

– Все прекрасные мужчины моего возраста уже давно прибраны к рукам! – с досадой отвернулась к окну мать. – Они оттого и прекрасные, что о них эти самые руки заботятся! Они все уже безнадежно женаты!

– Ну... и ладно! – пошла Лянка на крайние меры. – И пусть женатый! Тебе что – обязательно надо фату и в загс? Да женатый ещё и лучше! Никаких претензий. Никаких обя-

зательств! Ты – всегда только праздник и муки его души! И никаких тебе грязных носков и неглаженных рубашек! И ворчанья никакого! Ты всегда желанна и любима!

Наталья Максимовна осторожно посмотрела на дочь:

– Ты... ты сдурела совсем?.. То есть я хотела спросить... ты и правда так думаешь?

– Ну а как же?! – уж в чем в чем, а в этом Лянка была уверена на сто процентов! – Ты себе можешь представить, чтобы любовник пришел к своей любимой и начал ворчать, что она щи пересолила? Или чтобы он пришел и завалился смотреть футбол? А больной любовник к прекрасной любимой потащится? Или, может быть, он приволочет к ней свои нестиранные носки? Мама! Женатый мужчина – это находка для свободных женщин! И опять же – тебе не надо его никуда прописывать! Никакой дележки, никаких «А сколько ты получила в этом месяце?», а уж тем более «Ты тратишь на себя уйму денег!». Ну?!

Наталья Максимовна задумалась.

– Конечно... некоторый резон в твоих словах есть, но... – все еще не спешила соглашаться она. – Но... а как же мораль?! А его несчастная жена? Как я буду смотреть ей в глаза?

– Вот уж это совсем лишне! – возмутилась Лянка. – Кто тебя заставляет ей в глаза пялиться? И потом, мама! От хорошей жены муж не уйдет налево! Семья – это постоянный труд! И женщина об этом не должна забывать! А то ведь что

делается? В невестах она ходит королевой, а как только получает печать в паспорте – все! Корона сменяется на бигуди, мантия на байковый халат, а хрустальные башмачки на стоптанные тапки! Да мы, любовницы, мы же делаем благое дело! Мы заставляем жен все время быть в тонусе! Не даем им расслабляться! Я бы даже сказала, не даем им стареть раньше времени! Мы берем на себя... огромную ответственность за сохранение семьи, за процветание жен! За чистоту семейных отношений! И... и да, порой жертвуем своей личной жизнью. А что делать? Если не мы, то кто?

Наталья Максимовна слушала дочь, раскрыв рот и вытаращив глаза, а по окончании Лянкиной пылкой речи чуть было не захлопала в ладоши. Но удержалась и только спросила:

– Так ты... как я понимаю, уже того... уже пожертвовала своей личной жизнью, да?

– Да! – решила расставить все точки над і Лянка. – Мой Даня... он, как тебе сказать... состоит в законном браке. И я... я просто устала уже воспитывать его жену! Ну надо же до такой степени себя не любить, чтобы не видеть, что ее муж ей изменяет! Ведь это ж какое невнимание к супругу!

– Жуткое наплевательское отношение к несчастному мужу! – согласилась мать. – Он практически брошен!

– Конечно! – возмущенно продолжала Лянка. – Ну почему бы не спросить его нежно и ласково: «Милый, где ты ша-рахался всю ночь? Почему тебя в моей постели не было? Я

заметила – ты отсутствовал!» Ну? И он бы... засмутился! Насторожился! Обрадовался бы даже – какая у него внимательная жена, какая заботливая! Не нашла его в спальне и беспокоится! Так нет же! Не спрашивает!

Мама была поражена таким бездушием:

– Какая преступная халатность! А если бы... Ляночка! А если бы несчастный мужчина оказался в больнице?! Она и тогда бы его нехватила?

– Нет, он бы тогда ей позвонил, – ляпнула Лянка, но тут же у нее нашлись другие аргументы: – Но это если б он мог! А если б умер, так она бы и не хватилась!... Вот поэтому, мама, я и люблю женатого.

– Хорошо, доченька, я тоже... постараюсь себе найти такого, – прониклась Наталья Максимовна. – А сейчас... Ну поедем же по магазинам! Мне нужно купить журналы мод, потом еще забежать к маникюрше, и давай уже купим тебе прихожую. Да! Совсем забыла – надо наметить день, когда ты будешь переезжать, с грузчиками договориться, с машиной... У тебя же уже сделан ремонт?

Лянка кивнула и побежала смотреть, что ей надо еще перевезти.

За ней ворчливо поплелся Диоген.

– Макаки... – беззлобно бормотал он. – Сдурели... В эфире передача «Давай поженимся!» и я, ее ведущий... Андррей Малахов!.. Беррегите себя!

Глава 2

Теперь Лянка не бегала, а просто летала от счастья! Господи! Как же это расчудесно, когда не надо прятаться от собственной матери! Когда ты не видишь ее тусклых глаз и не чувствуешь себя последней мерзавкой, убегая на свидания к любимому! И сколько дел, оказалось, нужно переделать! Времени на пустое прозябание в постели совсем не остается!

– Милка! У меня к тебе срочное, серьезнейшее дело! – влетела в офис Лянка.

– Лян... если горящая путевка, то только в Египет. А чего? Нормальная путевочка... – залепетала Милка, елозя рукой по компьютерной мышке.

– У меня серьезнейшее дело! Я ж тебе говорю! – выпучила на нее свои глазищи Лянка. – Я переезжаю, и мне нужно срочно перетащить вещи! Перевезти.

– Да что ты! – охнула Милка и забыла про все путевки на свете. – Неужели Наталья Максимовна решила уйти в монастырь?

– Сейчас прямо! – фыркнула Лянка. – Она только жить начинает! Я ей внушила, что ей срочно нужен прекрасный принц... немножко женатый.

– То есть бэушный, да? – хихикнула Милка.

– Принцы, Милочка, бэушными не бывают! – назидательно дернула головой Лянка. – Они потом королями становятся.

ся. Короче... Маманя еще себе кандидатуру не отыскала, как я понимаю, но... уже прониклась идеей и меня отпустила переезжать! Так что... Времени терять нельзя! А то у нее возникнет какой-нибудь сердечный интерес, сорвется из-за моего присутствия – и все, начинай сначала. Да и новоселье уже пора бы отметить.

– Новоселье!!! Уххх! – завизжала Милка и радостно забарабанила кулачками по столу.

В этот же миг в дверях появились два молодца – Корнеев и Васяткин.

– Вызывали, Людмила Глебовна? – вежливо спросил Корнеев.

– Зачем? – вытаращилась на него Милка.

– Ну... мы слышали, будто бы вы сказали: «Господин Корнеев, зайдите, пожалуйста, очень вас прошу». Я и зашел... – с достоинством объяснил Корнеев и тут же кивнул в сторону друга. – А этот так... довеском.

– Я не довеском, – уточнил Васяткин. – Я подумал, что один господин Корнеев может и не справиться, так вот и... в качестве дополнительной мозговой извилины, так ска-ать...

– Знаете что! – покраснела Милка. – Между прочим, я не звала вас, а просто... просто радовалась так. У нас тут новоселье намечается, так что... чего б и не порадоваться?! Вы вообще-то свободны. Идите работайте.

– На благо новоселья? – поинтересовался Корнеев. – Деньги сдать?

Лянка была в прекраснейшем настроении, поэтому с самым серьезным видом кивнула:

– Вообще-то новоселье у меня дома, но... вы как образцовые сотрудники, которые искренне радуются процветанию своего начальника, можете сдать!

Образцовые сотрудники переглянулись, и Корнеев растянул рот до ушей:

– Мы уже искренне радуемся! И заметьте – совершенно бескорыстно! Без всяких денег! – и, дабы с них чего-нибудь не стрясли в приказном порядке, Корнеев счел нужным обратиться восвояси. – Васяткин, да иди уже ты на рабочее место!

– Нет, ну ты посмотри! – старалась гневаться Милка, но глаза ее так и горели восхищением. – Если б ты знала, что они мне тут устраивают! Каждый день цирк! Нет, их надо срочно увольнять, сразу двоих...

Лянке некогда было заниматься рабочими вопросами, к тому же на это у нее была Милка. Сейчас ее волновало совсем другое.

– Мил, ты мне скажи, вот когда Пашка к тебе переезжал, ты грузчиков где нанимала?

– Да я что – помню? Ой, Лянка, я тебе скажу – эти грузчики! Приволоклись под градусом, деньги запросили большие, а потом, представь – каждую коробку по полчаса поднимали! И еще ведь что делали – главное, видят, что мы им помогаем, так они выбирают коробочки полегче, а холодиль-

ник, значит, я перла!!! С соседом дядей Витей! Вдвоем! Мы – холодильник, а они – хлебницу! И тоже – заметь – вдвоем! – А на фига ты за холодильник уцепилась? – не поняла Лянка.

– Так... дура потому что! Мне ж жалко его стало! Грузчики и вовсе ни тяти ни мамы! А холодильник новый! Думаю – грохнут, покупай потом!

– Ты, Мила, дура, – сообщила ей подруга.

– Так кто спорит? – легко согласилась та. – Но только я тебе говорю, грузчики – это на каких нарвешься! А то пьяные притащатся! А ты... куда тебе деваться – у тебя машина стоит ждет, оплата почасовая! Вот и будешь сама корячиться.

Лянка растерялась. Она и не думала, что здесь возникнут какие-нибудь проблемы.

– Может быть, какую-нибудь фирму порядочную подыскать? – робко предложила она.

– А что – тебе много перевозить надо?

– Не много, так не на себе ж я таскать буду!

– Ой, ну и какие проблемы? – фыркнула Милка. – Позовешь своего Даню, моего Пашку...

– Нет, я как раз для Дани хотела сюрприз сделать. Он придет, а у меня все новое, перестановка, опять же. И... обновление чувств...

– Тогда... пусть и у моего Пашки сюрприз будет, обновление чувств... – вдруг загорелись глаза у Милки. Она повернулась к двери и звонко гаркнула: – Корнеев! Васяткин!

Где вы там?

Парни появились не сразу, зато оба пришли с чашками и теперь стояли перед начальством, вальяжно попивая кофе.

– Вы нас вызывали или снова радуетесь? – спросил Корнеев и повернулся к другу: – Какое нам радостное начальство попало.

– Сейчас я вас радовать буду, – грозно начала Милка. – Имеется денежное дело! Рекомендую быстро соглашаться, а то...

– Согласны! – не стал дослушивать начальницу Васяткин и вытянулся струной. – Если денежное, мы в полной боевой!

Корнеев с удивлением уставился на друга. А потом кивнул Милке:

– Вы говорите, Людмила Глебовна, пока этот алчный... особь воодушевился.

– В общем, так, – повернулась к ним Ляна. – В четверг надо перевезти мои вещи на новую квартиру. Предупреждаю – холодильник придется тащить вам!

– Вам! – повернулся к Васяткину Корнеев. И широко улыбнулся начальству: – Мы бы совершенно не против! Мы даже очень были бы рады, но... У Степана... у него такая проблема... у него день рождения в этот четверг, так что... сами понимаете...

Степан вытаращил глаза и стал тыкать друга локтем в бок.

– Вот видите, – кивнул на него Корнеев. – Сердится, что я проболтался. Зажать хотел... Степа! Нельзя быть таким

скупым! Тебя ж никто на ресторан не раскручивает, можно вполне и Макдоналдсом обойтись.

Милка растерянно заморгала накрашенными ресницами и принялась щелкать компьютерной мышкой.

– Васяткин... Погоди-ка, а у меня в твоём личном деле написано, что ты в декабре родился! Это почему? – недоумевала она.

– Так это он должен был в декабре, – вежливо пояснил Корнеев. – Но... родился недоношенным, вот и... поэтому в июле. У вас сведения-то, наверное, ещё из женской консультации?

– С какого перепугу я недоношенный? – возмутился Васяткин. – Все у меня доношенное!

– Васяткин! – рявкнула Милка. – То есть... Корнеев! Не хотите как хотите! Я могу и других найти! Им такие деньги предлагают, а они!

Васяткин нежно посмотрел на начальницу и вздохнул:

– Вы вот у нас всегда... такая заботливая... Конечно, мы согласны.

Милка явно испытывала к этим двоим работничкам теплые чувства. Да и надо отдать им должное – работали они отлично, но вот языки у них удержу не знали. Милочка быстро оттаяла и буркнула, покраснев:

– Васяткин... вы мне... вы мне просто льстите.

– Вам все льстят, Людмила Прокофьевна, – тут же вставил свои три копейки Корнеев, и, не дожидаясь вопроса, по-

яснил: – «Служебный роман», цитата. Ничего личного.

И выскочил за дверь.

– Васяткин, – уже спокойно объясняла оставшемуся сотруднику Ляна, – в четверг я вас жду вот по этому адресу. Помощь оплачу щедро. Ну правда, ну помогите, а?

– Да поможем, чего вы беспокоитесь, – зарумянился Васяткин. – И холодильник перетащим, и стиральную машинку, и шкафы всякие...

– Заметьте, не я это сказал, – в дверях снова показалась голова Корнеева, и он лихо выдернул друга из кабинета начальниц.

– Ну вот! И вопрос решен! – развела руками Милка и, не удержавшись, фыркнула: – Эти мне работнички... Прямо никак с ними серьезно разговаривать не могу, так и хочется расхохотаться, а ведь положение обязывает, сама понимаешь.

– Чистые дети, – тряхнула Лянка локонами, вспомнила своего серьезного, взрослого Даню и улыбнулась: – Вот поэтому, Милочка, мне и нравятся люди посолиднее! Ну смотрю вот на этих ребяток... ну чистые козлята!

– Понимаю, – посерьезнела Милка. – А тебе все больше взрослые козлы нра... Ой, Лянка, я совсем не то сказать хотела! Лян! Ну я ж... ну какой у тебя Даня козел?! Ну ты прости, вырвалось прям черт-те что!

Лянка смирила подругу суровым взглядом, убедилась, что та и впрямь не специально, и махнула рукой:

– Ладно, не отвлекайся. Давай лучше думать, кого будем приглашать на новоселье.

И она достала листок.

Они просидели над этим листком чуть ли не до конца рабочего дня. Сначала придумывали, кого позовут, потом обсуждали меню, потом долго спорили – удивить мужчин своими кулинарными умениями или же не париться и просто заказать еду в ресторане. Остановились на последнем. В конце концов, надо было еще и выглядеть, а где на себя время взять, если ты по уши в этих самых... умениях?!

Они бы и еще сидели, если бы не позвонил Данил:

– Девочка, ты где? Я за тобой сейчас заеду.

– Твой звонил? – с завистью спросила Милка, когда Ляна отключила телефон. – Ну прямо как в кино! Он – невозможно заботливый и весь из себя брутальный, она... а она вся из себя нежная... как улитка! И чего? Опять приедет?

– Конечно! – беспечно взмахнула локонами Лянка. – Ой, Мил, ты меня не весели. Мне надо изобразить унылую физию, буду Даньке ныть, что маменька меня опять никуда не пускает!

– А чего это ты? Пусть мужик тоже порадует. Он же столько ждал, когда ты переедешь!

– Милка... – с горькой безнадежностью посмотрела на подругу Ляна. – Вот смотрю я на тебя и удивляюсь – и как это ты Пашку словила? Ведь ни грамма женского кокетства! Ни граммульки продуманности! Сама наивность! Ну скажи –

зачем мне его радовать раньше времени? Ну? Пусть он огорчится, помучается, да еще и меня поуспокаивает! А я буду безутешна. Ну надо же дать мужику испытать всю гамму чувств! Дать возможность проявить нежность, ласку, жалость! Да пусть же он себя хоть мужиком-то почувствует! Пусть немножко погорюет, ничего страшного. Зато потом, представь, я ему в пятницу позвоню и так тихонечко скажу: «Любимый, сегодня я отпросилась у мамы, и мы сможем скромненько посидеть у телевизора в моей норке». Он же не то что придет. Он прибежит!!! Принесется! А тут – вау!!! Какой сюрприз! Новоселье! И дальше – вся моя жилплощадь в нашем полном распоряжении! В любое время дня и ночи! И радость будет еще сильнее от того, что выстрадавшая! Ну неужели трудно сообразить?

Милка только с восхищением помотала головой:

– Ой, Лянка... какая ты... дальнзоркая. А я б не выдержала.

– Вот поэтому, милая моя, ты имеешь такого вот... Пашу, а за мной сейчас придет такой вот... Данечка! – назидательно проговорила она, подбежала к зеркалу и пальчиком поправила невидимые неполадки в макияже. Растрепала волосы и улыбнулась ангельской улыбкой. – Кстати, у тебя стали падать продажи. И дисциплина. В понедельник будет планерка.

– Во... во вторник, – закашлялась Милка. Она никак не могла понять – каким же это образом ее подружка может

бить в самую точку? Откуда она все знает? И еще – ну как можно так быстро переключаться с одного на другое!

– Да и действительно, – согласилась Ляна. – Понедельник – день тяжелый.

– Можно подумать, вторник легче... – пробурчала Милка, когда подруга выскочила за дверь.

Они валялись на диване в ее все еще неудобной квартире, Даня играл Лянкиными волосами, а та в свою очередь прилежно жаловалась на судьбу.

– Данечка, у нас, наверное, пока не получится встречаться, – шмыгала она носом. – Ну никак. Представляешь, мама совсем не хочет меня отпускать! Так волнуется, переживает и все время плачет!

– А плачет почему? – не слишком беспокоился о мамином состоянии Данил. – Может быть, ее к психологу сводить?

– Ее надо не к психологу, ей мужика нужно! – буркнула Ляна и спохватилась. – Я в том смысле, что друга! А то у нее один Диоген остался. И тот нервы треплет.

– И что нам теперь делать? – повернулся к Лянке всем телом Данил. – Мы так до самой старости можем твою маменьку успокаивать.

– Я не знаю... – горько вздыхала Ляна, и на ее прекрасные глаза набегали изумительные бриллиантовые слезки.

Лянка знала – она невероятно красиво умеет плакать. Она даже в зеркало смотрела – красиво. Вот даже непонятно –

и как это женщины умудряются реветь белугами? И главное зачем?! Нос раскисает, щеки распухают, глаза... ой, да глаз и вовсе не видно! А смысл? Разве такими слезами чего-нибудь добьешься? Разве мужчина кинется такую вот... размазную успокаивать? Дарить подарки и ублажать? А еще говорят, что мужчины не переносят женских слез. Конечно! Кому же понравится такой вот ужас переносить? Нет! Лянка плакала совершенно изумительно. Щеки сразу же покрывались детским румянцем, глаза становились огромными, а личико несчастным. И любой, кто это видел, чувствовал себя последним мерзавцем, если немедленно не кидался Лянку успокаивать. И, конечно же, Даня тоже кинулся.

– Ляночка, девочка моя! Не смей плакать! Я не вынесу! Ну... я не знаю, ну поедem в ресторан, а? Поедем в ресторанчик? Закажем себе вкусную телятину, послушаем музыку, потанцуем, а? Я закажу для тебя целое море цветов! Прямо охапку! Хочешь?

– Нет... – сквозь слезы улыбалась Лянка. – Я хочу здесь... с тобой... Когда мы еще увидимся...

– Ляночка! Да я каждый... Ну хочешь, я прямо сегодня... перееду к тебе, и все! – сверкал очами Даня. – Лян, ну не плачь, ну сил моих нет... Ну иди ко мне...

Его лицо было близко-близко, глаза смотрели с такой нежностью и любовью, а губы так ехидно улыбались, что Лянка неожиданно для себя брякнула:

– Узнаю, что к жене в спальню бегаешь, – убую!

– Я не бегаю... – тихонько, растягивая слова, прошептал в самое ухо Данил. – Мне там нечего делать, там же тебя нет. Лянка... девочка моя, я скоро буду защищать одного крупного клиента... и куплю нам с тобой отдельную квартиру! И украду тебя ко всем чертям, ясно?

– Зачем же нам еще квартира? – задыхалась в его объятиях Лянка. – У нас уже есть... меня и сюда-то не пускают. А к тебе...

– Я укррррраду... – рычал он ей в шею и вытворял что-то такое... в общем, он знал, что делал.

Уже под утро Даня наклонился к Лянке, чтобы поцеловать ее и уйти.

– До завтра, детка? – пахнул он на нее дорогим парфюмом.

– Да-а-ань... – капризно протянула Лянка. – Я ж тебе говорила, а ты меня не слушал. У нас не получится завтра. И послезавтра не получится. Мама отчего-то совсем неважно себя чувствует. Я немножко с ней побуду.

– А когда увидимся? – озаботился любимый.

– Ну... я не зна-а-аю... – протянула Лянка. – Я тебе позвоню. Ты же будешь мне звонить, правда?

– Девочка моя, я оборву весь телефон, обещаю! – чмокнул он ее в нос и быстро подался в прихожую. В окнах уже брезжил рассвет, а ему нужно было хоть немного отдохнуть. – Только ты попробуй без меня не слишком скучать.

Лянка согласилась скучать не слишком, блаженно потянулась, укуталась в одеяло и сладко прикрыла глаза. И как

же все-таки здорово, что не надо вскакивать в эдакую рань, бежать на кухню, творить мужу какие-то завтраки... потому что у нее вовсе и нет никакого мужа, а есть... есть просто любимый!

Скучать Ляне и в самом деле было просто некогда. Столько всего надо было переделать в самые короткие сроки – а то ведь у маменьки семь пятниц на неделе, возьмет и придумает себе опять, что ее жизнь немедленно закончится с Лянкиным переездом. Нет уж, надо ковать железо! И Лянка ковала. Она уже заказала себе какую-то дивную горку, которую нужно будет заставить цветами для создания уюта, потом еще телевизор взяла – этот у нее ну совсем ни в какие ворота! На дворе двадцать первый век, между прочим! А шторы! А постельное белье! А... Ой, а сколько всяких мелочей! И чтобы они подходили по цвету! И чтобы были качественными! И чтобы... Да просто голова кругом шла! До скуки ли тут. К тому же Даня, как и обещал, регулярно обрывал телефон:

– Ляночка моя, как ты там? Я уже весь высох от скуки! Прямо так и ночую на работе! Работники меня проклинаят – никакой свободы! Я скучаю! Что ты со мной делаешь?

Ляна только хныкала в трубку, жаловалась на нестерпимую маменькину депрессию и снова кидалась по магазинам.

Еще надо было не забыть навестить маменьку. Иначе... можно себе представить, что было бы, не заявляйся к ней Лянка хотя бы раз в день. Правда... Ляна стала замечать, что ее набегу уже такой бурной радости Наталье Максимовне не

доставляли. Нет, мама была рада, но... в отсутствие дочери не рвала прическу на клочки от одиночества. Прическа у мамы была в прекраснейшем состоянии. Да и макияж... И, похоже, матушка всерьез занялась фигурой, потому что в один из дней Лянка ее прямо в прихожей застала со спортивной сумкой.

– Ма, а ты куда это собралась? – даже немного обиделась дочь.

– Ляночка, детка... – очень торопилась Наталья Максимовна. – Ты, если хочешь, можешь покушать – в холодильнике салатики, отбивная, а я улетаю. У меня фитнес-клуб! Ну чего ты глаза вытаращила? Я ж должна себя чем-то занять, когда меня бросила моя единственная дочь!

– Бросила? – захлопала глазами Лянка. – Но... если ты так говоришь... я могу и не уезжать никуда!

– Девочка моя! – вытаращилась на дочурку Наталья Максимовна. – Что значит – не уезжать? Ты же решила? Мне вот такая твоя... нетвердая позиция совсем не по душе! Сказала – уеду, и... что ж теперь делать, надо переезжать!

И маменька унеслась. А в следующий раз... в следующий раз Лянка застала мать дома. Но... но той было совсем не до доченьки. Она с кем-то эмоционально ссорилась по телефону.

– А я тебе говорю, что это полный бред! Ты уже... Да не верю я тебе! – хмурила маменька брови, восседая в кресле. – Ты меня не подбивай! Знаю я тебя! Сам, значит, сделаешь,

как тебе хочется, обманешь бедную девушку... Нет! Бедная девушка – это я! Да! Говорю, обманешь, а мне потом что – у разбитого корыта?

– Мам! – восторженно смотрела на мать Лянка. – Это у тебя... у тебя появился друг?! И ты так с ним говоришь? И он... он тебя еще терпит? Ну ты, мать, ты у меня... разве так можно с мужчинами?! Ты же... ты же должна быть нежной, как улитка... тьфу ты, как это... как цветок!

– Ой, да не учи ты меня жить, – недовольно отмахнулась маменька. – И ни с каким мужчиной я не говорю, это я с Досадовым. Он, зараза, опять бьет по больному! Объединяться ему приспичило! Прямо так и тянутся у него руки к моему «Жемчугу»!

– Так, может быть, он дело говорит – возьми да объединись, – пожалала плечами Лянка. – Что ты теряешь?

– Это Досадов дело говорит? – возмущенно подпрыгнула Наталья Максимовна. – Он говори-и-ит! Он не дура-а-ак! Дело! Да только у него это дело выгорит, а у меня – прогорит! Сейчас он меня под себя захапает, и все! Прощай, мой бизнес! Он же не дурак! Он же умный, как обезьяна! Ты что – думаешь, он зря на меня охотится? Да он знает, что я уже от дел отошла, и мечтает мою клинику к рукам прибрать! Гад!... Погоди-ка... я еще один звоночек...

И она торопливо набрала какой-то номер.

– Яна Олеговна? Да, это Осташова вас беспокоит. Скажите мне, Яна Олеговна, что там за решения вы принимаете

за моей спиной?! Да, я про Досадова! А я бы... Я бы все-таки попросила! Я бы прямо-таки настоятельно попросила не принимать без меня никаких решений! И учтите – если еще что-то подобное мне станет известно!.. Я рада, что вы все поняли.

И она с остервенением бросила трубку.

– Нет, дочь моя, как же все-таки тяжело женщине одной, без надежного мужского плеча...

Лянка решила переменить тему и ласково уткнулась матери в плечо.

– Мам, все у тебя получается. Давай сейчас о приятном. Приходи ко мне в эту субботу – новоселье будем отмечать.

– В эту субботу? – мгновенно загорелись глаза у Натальи Максимовны. – Ляночка, а можно я приду не одна, а с мужчиной?

– С Досадовым? – вытаращилась изумленная Лянка.

– Да полно тебе! – махнула рукой маменька. – Слава богу, в жизни есть мужчины с большой буквы. Я приду с... с моим хорошим знакомым, с Митенькой. Мы с ним познакомились буквально... буквально на прошлой неделе. Очень интересный мужчина! Тоже занимается медициной, приехал к нам за новым оборудованием, это принц! Ляна, это просто принц!

Лянка в растерянности хлопала глазами. Нет, она была не против нового гостя, но... чтобы маменька так скоропалительно кинулась устраивать свою личную жизнь?

– Ах, я умирррраю! – вдруг объявил Диоген. Ему совсем не нравилось, что сейчас на него ну буквально никто не обращает никакого внимания. – Бабы! Сдурели! Макаки! Принц! Принц! Ах, я умирррраю!

– Мам... а чего это он принц? – очнулась Лянка. – Он что – совсем молоденький? В вашем возрасте уже того... королями пора быть.

Наталья Максимовна недовольно дернула плечом:

– Не прикапывайся к словам. Никакой он не мальчик, он старше меня... совсем чуточку! Но так прекрасен! Я тебя с ним обязательно познакомлю! Мы придем на новоселье вместе!

– Буду очень рада! – хихикнула Лянка. – Только не опаздывать!

В четверг наступил полный кошмар. Прямо с утра принеслась Милка и прочно уселась на телефон. Подруга оказалась незаменима, потому что только ее стараниями дело с перевозкой сдвинулось с места. Как оказалось, заказ на грузовую машину куда-то подевался, и машины не было. Да и с грузчиками пришлось понервничать – Васяткин, видимо, с утра решил воспользоваться отсутствием начальства и уже начал всюю отмечать свой день рождения; во всяком случае, ни его, ни Корнеева не наблюдалось. Конечно, после того как Милка по телефону вежливо – с помощью гортанного рева и такой-то матери – попросила их объявиться, они не

заставили себя ждать. К тому же подруга позвала еще и своего братца, здорового детину. Тот пришел с двумя друзьями. Друзья много шумели, суетились – правда, работали они на удивление прилежно. Лянка прямо загляделась, как молодые парни быстро хватали самые тяжелые вещи и с легкостью перетаскивали с места на место. Особенно хорошо проявляли себя сотруди́чки. Было ощущение, что они просто подрабатывают где-то по вечерам грузчиками – так споро у них все получалось. Они еще и успевали шутить и подтрунивать друг над другом... да и Милке доставалось. Вот только над Ляной шутить не отваживались – все же высшее начальство... И Лянке было даже чуточку обидно.

Васяткин затащил большое кресло в комнату и теперь не знал, куда его поставить.

– Куда? – повернулся он к Ляне.

– Вон в тот угол, Степа, там уголок отдыха будет.

Степа покорно наклонился, уткнулся головой в сиденье и хотел было с легкостью поднять массивное кресло, да, видно, подустал – кресло не поддавалось.

– Сенька! – заорал он, не догадываясь поднять голову. – Ты, что ль, уселся?

Корнеев обернулся – он устанавливал телевизор:

– Это не я, это наша Милочка... Людмила Глебовна то есть, расслабилась, уселась сверху.

– Людмил Глебовна! Чего – совсем уже? – надрывался Степа. – Я ж вас вместе с креслом-то фиг подниму! Слазьте!

Милочка, которая расставляла на горке цветочки, вдруг оскорбилась не на шутку:

– Можно подумать, я такая толстая! Да у меня вес, между прочим, бараний!

– Вот мне еще баранов тут не хватало таскать! – наконец выпрямился Степан и, заметив Милку в другом конце комнаты, ехидно прищурился. – Ишь как быстро соскочила!

Братец Милочки, по всей видимости, не одобрял веселости Васяткина и Корнеева и решил поставить ребят на место. Несколько своеобразным путем. Когда работа была сделана и помощники уже собирались по домам, выяснилось, что Васяткину идти домой просто не в чем – в его кроссовки кто-то заботливо влил монтажную пену, она разбухла, и достать ее оттуда не было никакой возможности.

– Ну блин! Что за фигня?! – возмущался Васяткин, но от его ругани пены меньше не становилось.

– Ну что ж... – тяжело вздохнул Корнеев. – Придется Степке здесь оставаться, магазины-то уже закрыты.

– Ну почему ж закрыты? – суетилась Милочка. – Я знаю – здесь недалеко бутик, он круглосуточно работает! Я сбегая, если уж так вышло...

– Не получится... – горько возразил Корнеев. – Степка обувается исключительно на китайском рынке, а сейчас даже у трудолюбивых китайцев сон. Придется ему остаться. Нет, я, конечно, тоже с ним останусь, послежу. Он, знаете, ночью храпит, так я его переворачивать буду, чтоб не слишком хо-

зайку смущал.

– Ну я не знаю... – окончательно расстроилась Милка.

Ее братец с группой поддержки, довольно усмехаясь, ждали, чем же закончится их шутка.

– Вот что, – Ляна решительно сунула в руки Корнеева довольно крупную сумму. – Сходите с Милкой в бутик и купите нормальную обувь парню. Пусть это будет... подарком, если уж так все вышло...

– Ну не-е-ет... – замахал руками Васяткин и даже сбежал от таких денег в кухню. – Ничего себе! Да за такие деньги! Да что я, девочка по вызову, чтобы за час такие шальные деньги загребать? Не-е... я не возьму...

Пока его уговаривали, в кухню вбежал удивленный братец Милки с черной кроссовкой в руках.

– Ляна! Глянь! И в мой башмак кто-то пены накидал! Блин! Как же мне теперь? – и он страдальчески морщил лицо. – Мне, наверное, тоже деньги нужны будут... ну, чтобы в бутик-то?

При этих словах отчего-то вытянулась физиономия у Корнеева.

– Бли-и-и-ин!!! Ну и какая сволочь... Блин! Да у меня ж! Вот гады! Слышь, красавец, эт ты, что ль, в мою кроссовку этой дряни натолкал?

– Чего это в твою-то?! – возмутился братец подруги. – Это я в свою натолкал! Мои ж черные!

– И мои тоже! – пожирал его глазами Корнеев. – Только

у тебя шнурки белые, а у меня черные, видишь? Ты, блин, вообще башкой-то жрешь только, что ли?! Ну посмотреть же надо!!!

– Да ладно! – не верил виновник. – Какие твои-то?

– Витька, слышь. Вот твои... – любезно подсказал кто-то из друзей. – А те, что ты устрепал, точно его!

На Витьку страшно было смотреть.

– Слышь, парень, я не хотел... я свои хотел... ну, блин, ну надо ж... – Неудачливый Витька не знал куда деваться. Причем не похоже было, что его терзают угрызения совести из-за кроссовок Васяткина. – Не, ну серьезно ж хотел только себе!

– Та-а-а-ак!!! – зверем глянула на него сестрица. – Значит, так, я тебе на машину денег не одолжу, пока этим парням все не оплатишь! Нет, ну ты на него посмотри – прямо Афродита! Без пены ни шагу!

Витька клятвенно пообещал занести деньги прямо сейчас же и шумно унесся вместе с друзьями, а Ляна с Милкой пригласили пострадавших поужинать – все равно Витьку ждать.

За столом речь сначала пошла о работе – а как же иначе, если ужинаешь с начальством!

– Васяткин, а у нас там горящая путевочка в Турцию была, – деловито хмурилась Милка. – Ты ее продал, что ли?

– Ее Мария Тарасовна выкупила, – пояснил Степан. – Она очень просила. У нее с зятем какие-то проблемы, вот и решила отдохнуть.

– Так она ж отдыхала уже! – вытаращилась Милка. – В том месяце ездила, и сейчас опять?

Корнеев махнул рукой:

– Людмил Глебовна, Тарасовне надо...

Мария Тарасовна была самым старым работником агентства и по стажу, и по возрасту. Пожилая женщина, работая техничкой по четыре часа в день, регулярно выкупала горящие путевки, загружалась за границей баулами, а потом торговала на рынке привезенными шмотками. В тот раз, как видно, товар быстро разошелся, и женщине снова потребовалось ехать за рубеж.

– Но ведь она совсем недавно ездила... – припомнила и Лянка.

– Да пусть едет, иначе она нас разорит совсем, – вздохнул Корнеев. – Она ж перебитая вся, как Джеки Чан, и все травмы производственные! Тут вот опять – мыла полы у нас в кабинете, составила все стулья на стол... Вы видели, сколько у нас стульев и какой стол? Так вот, она нагромодила пирамиду и давай тряпкой возить. А сама... ну нет бы аккуратненько, так ведь своим задом стол и двинула! И вся эта пирамида... мы со Степкой думали, помрет она...

– А ей хоть бы хны, – кивнул Степка. – А вот кресло мое сдохло... жалко.

Очень скоро вернулся Милкин брат, теперь уже без друзей, притащил деньги, спиртного да еще и закуски целый пакет – очень ему нужно было, чтобы Милка деньги на машину

одолжила. И началось примирение.

Сначала выпивали очень степенно, вроде бы даже нехотя, но уже через полчаса голоса стали громче, хохот веселее, а потом и вовсе – включили музыку и пустились в пляс.

Давно уже Лянка так не отрывалась. И чего, спрашивается, не танцевала? Нет, они с Даней бывали в ресторанах часто, но он не любил быстрые танцы, а одной Лянке было не совсем удобно. Сегодня же звучала только быстрая музыка, и Лянка плясала вовсю. И Милка тоже. И Витенька. А Васяткин с Корнеевым и вовсе вытворяли невесть что.

– Как здорово получилось сегодня, точно? – сверкала глазами Милка, когда они с Лянкой убежали на кухню. – Парни-то какие молодцы, да? Разве за ними какой-то там... старичок угонится?

Милка явно на кого-то намекала, и Ляна ее поняла.

– А мне вот кажется, что они бледненько смотрятся на фоне Дани, – чуть высокомерно скривила она губы. – Ну да, веселятся, ну да, пляшут, но... глубины не хватает. Проигрывают.

– Нет, ну против Дани-то конечно, – сразу же согласилась Милка. – Я Даню и не имела в виду. Я про тех... ну которые совсем уж старые. А чего ты? Такие тоже есть!

Лянка хмыкнула, и подружки заторопились в комнату.

Там звучала какая-то очень ритмичная музыка, и Васяткин с Корнеевым показывали настоящий класс! Причем их мало волновало, видит ли их мастерство кто-то еще. Они

просто жили сейчас музыкой, и их тела отзывались движениями на каждую ноту. И так здорово у них получалось, так зажигательно, что не было сил просто сидеть и смотреть – надо было нестись туда, к ним! И подружки уже были на середине комнаты и с чувством выделяли ногами, руками, гибким станом черт-те что.

– Точно! – кричала Милка, стараясь переорать музыку. – Я, Лян, прямо сейчас и поняла – проигрывают!!! Сейчас они точно проигрывают Даньке! И мы с ними! Про! Иг! Ры! Ва! Ем!

Все разошлись, когда за окном уже было светло. Корнеев с Васяткиным вызвали такси и по лестнице решили спускаться просто в носках. А уж завтра...

– Завтра можете на работу не выходить, – благодушно разрешила Лянка, – вам все же... надо позаботиться об обуви.

– Спасибо! – душевно поблагодарил Степан и даже приложился к Лянкиной ручке.

Его губы были сильные и горячие... Лянка непроизвольно руку отдернула. Корнеев же только ухмыльнулся и потянул друга за собой.

– На этом лобызания считаю закрытыми, – величаво произнес он и распахнул двери.

Они вышли вместе с Витькой, который все еще считал себя виноватым и по всему подъезду так и бубнил свои извинения.

– Ну и чего ты их балуешь? – спросила Милка. – Пусть бы

на работу выходили. А то прямо – надо же! Я ж тоже ночь не спала, а ведь на работу пойду!

Лянка с хитрецей уставилась на подругу.

– Милка! А тебе что – без этих двух и вовсе работать не хочется?

– Ты чего?! – испугалась Милка. – Совсем, что ли? Ну ты, Ляночка, как придумашь! Не хочется! Ха! Кто-то меня будет спрашивать – хочется мне выходить или нет!

– А чего это ты так всполошилась? – уже внимательно присмотрелась к подруге Лянка. – Угадала я?! Ну ты даешь! Ой! Точно! Угадала! А как же Пашка?!

Пока Лянка хлопала в ладоши и верещала неизвестно с какой радости, Милка уже успела с собой совладать и теперь только небрежно фыркнула:

– Ляна, у тебя какие-то... какие-то фантазии разыгрались на свободную тему. Прямо сочинение пора писать: «Как я придумываю сплетни»! Неужели ты подумала, что я вот так сейчас возьму и брошу Павла? Ерунда какая-то! Ты же вот своего Данечку не собираешься бросать?

– Ну ты сравнила!

– Вот то-то и оно... – вздохнула Милка и махнула рукой. – И вообще, давай думать – будем приглашать Васяткина и Корнеева на новоселье или нет?

Лянка опешила:

– А их-то зачем?

– Ну все же... сотрудники, – неопределенно пожала пле-

чом Милка. – И потом, неудобно как-то – они тебе помогали мебель таскать.

– Ой, Милка-а-а, не мудри! – погрозила ей пальцем Ляна. – Мебель! Чего-то про братца Витеньку даже не заикнулась.

– А что мне Витенька? Здесь хоть Пашка поревнует... Сама же говоришь – муж мужем, а любовник нужен!

– Так Пашка тебе еще не муж! – напомнила Ляна.

– Вот в том-то и дело! – насупилась Милка. – Живем – не пойми что! Гражданский брак называется! А по мне, так это и не гражданский, а просто – чистый брак! Бракованные какие-то отношения. Вот и пусть призадумается!

Лянка беспечно мотнула головой:

– Ну если у тебя все так продумано – мне не тяжело, пожа-а-алуйста! Давай и этих двоих пригласим. Хоть будет с кем поскакать, а то мой Данечка не больно-то быстрые танцы уважает.

После такого решения окрыленная Милка унеслась домой, а Ляна осталась одна среди полного бардака. Надо было бы лечь спать – Ляна уже забыла, когда нормально высыпалась, все время ложилась за полночь. Но спать не хотелось. Она потихоньку начала убирать посуду, потом еще раз оглядела комнату и принялась за полы.

Через два часа она уже не могла прикрыть рот – зевала не переставая, а ведь именно сейчас надо было предупредить девчонок из салона красоты, что она завтра забежит,

надо было докупить кое-что к столу, ресторанный закуска – это конечно, замечательно, но надо, чтобы и холодильник не сверкал пустотой. А вино! А салфетки! А приготовить платье?! Нет, выспаться, видимо, и сегодня не получится. Это еще хорошо, что она квартиру привела в полный порядок, хоть сейчас гостей зови.

И все же она уснула. То есть ненадолго присела, чтобы позвонить в салон красоты, а проснулась уже от настойчивого звонка.

– Сейчас... – подскочила она и бросилась к двери. – Ой! Даня!

На пороге и в самом деле стоял Данил. Он сегодня выглядел как-то... не совсем обычно – при полном параде. Строгий костюм, рубашка в тон и даже галстук. Лянка на секунду даже испугалась – не предложение ли он собрался делать? А что – как начнет сейчас руку и сердце предлагать, и чего делать? Маменька точно не перенесет.

– Ляна, что с тобой? – озабоченно спросил Данил. – Ты в порядке? Почему так долго не открывала? Я звоню-звоню...

– А сколько времени? – испуганно моргала Лянка и, вспомнив про сюрприз, который наметила сделать Дане только завтра, замахала руками. – Ой, Дань, ты не заходи... я лучше сама выйду.

Брови у Данила изумленно полезли на лоб.

– А что случилось-то? Я не вовремя? Ты не одна?

– Ну что ты такое говоришь? Я совершенно одна! Толь-

ко... я сплю. Ну... бывает же такое – захотел человек спать, ну и... уснул.

– В девять часов вечера? Ты? – не поверил Данил. – Странно... А мы что – так и будем стоять в подъезде?

– Так я ж говорю, я сейчас сама выйду!

Но Данил не стал ждать, когда Лянка выйдет к нему сама, он быстро подхватил ее на руки и затащил в прихожую.

– Даня! Ну не заходи! – кричала Лянка, болтая ногами изо всех сил. – Я же ведь сказала, я сама выйду!

Но чем громче и яростнее она кричала, тем упрямее Данил продвигался в комнату.

– Ого!!! – увидел он преобразившуюся гостиную и от удивления выпустил Лянку из рук. – Вот это... это хоромы! И когда ты только все успела? А кресла какие! Ух ты! Это у тебя домашний кинотеатр, да?

Лянка неловко приземлилась на ногу и теперь стояла надувшись – мало того, что сюрприз погиб, так еще и нога теперь...

– Ляночка! А чего ж ты мне не сказала? Это ж... сколько всего перелопатила! Я бы помог!

– Я тебе сюрприз сделать хотела, а ты! – обиженно отвернулась она к окну. – Теперь вот... завтра ничего интересного тебе не будет.

– Зато сегодня будет! – снова подхватил он ее на руки и понес в спальню. – Лянка, я по тебе так соскучился! Из дома сбежал, принесся, а ты открывать не хочешь! А потом еще

придумала – не заходи! Да разве я могу не зайти?! Да я ж себе сразу представил, что у тебя здесь целый батальон... поклонников!

– Даня! Не трогай меня! Ты меня сейчас всю помнешь своим галстуком! Это он ко мне из дома сбежал! Все порядочные мужики дома в трениках ходят, и чтоб коленки вытянутые обязательно, а этот... как на собрании директоров! Кого это ты там удивлять собрался?! Ой, да пиджак-то сними!

Следующий день начался по известному сценарию – в пять утра любимый чмокнул Лянку в теплую щеку и нежно прошептал:

– До вечера, девочка моя.

– Да! Даня! – вдруг села на кровати Лянка. – Сегодня в пять часов у меня новоселье. Ты просто обязан быть, я тебе сюрприз хотела сделать, но раз уж ты раньше пришел, то... будешь теперь смотреть только на меня и моих гостей, а все новое в квартире ты уже видел.

– Хорошо, любимая, сегодня в пять, – смешно сморщил нос Данил и поспешил в прихожую.

И Лянка твердо решила – до часу дня она даже глаз не откроет. Ни за что! Она даже не поленилась вскочить и выключить телефон. Все! Теперь она будет только спать.

В пять вечера было все уже готово, не хватало сущей безделицы – гостей. Лянка слишком не переживала, скорее всего виной эта противная традиция – прийти надо обязательно

на полчаса позже. А то и на весь час. То есть чем важнее персона, тем большее опоздание она себе позволяет. Чтобы уже все сидели за столом, а последний гость пришел, и к нему сразу повышенное внимание, а он, опоздавший, вроде как и смущается, и просит на него не обращать внимания, а возле него между тем व्यюном вьется хозяйка, а гости уже и забыли, кто же виновник торжества! Ох, и не любила эту традицию Лянка!

В половине шестого раздался звонок. Лянка побежала открывать – на пороге стояли образцовые сотрудники Васяткин и Корнеев с букетом цветов и с какой-то коробкой.

– Вот, – протянул коробку Корнеев. – Это вам! Ваза такая специальная, вся в дырках. Говорят, что очень стильная.

– Спасибо, – дежурно улыбнулась Ляна. – Она мне... очень нужна... на журнальный столик.

С вазой и в самом деле столик заиграл по-новому, но это Лянку мало утешало. И что это гости себе позволяют?!

– Проходите, садитесь... я сейчас... – быстренько усадила парней за стол Лянка и побежала в кухню звонить.

Сначала она, конечно же, позвонила Данилу – он никогда себе не позволял так ее подводить.

– Даня! Алло, Даня! – кричала Лянка, но в трубке раздалось непонятное шипение, а потом и вовсе побежали короткие гудки – сброс. Она набрала номер еще раз, но теперь и вовсе бездушный голос ответил, что абонент находится вне зоны доступа.

– Вот блин... – прошипела Лянка и набрала номер матери. Мать откликнулась сразу. И сразу же в трубку защебетала:

– Ляночка! Я еду! Но тут такая пробка! Ты не представляешь, я... ой... сейчас... ага... так вот, даже и не знаю, когда получится вырваться...

– Мама! Ну какая же пробка?! Ты же от меня живешь в двух остановках! – чуть не плакала Лянка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.